

ОБСЕ INSIGHTS

Институт исследований проблем мира и политики безопасности при
Университете Гамбурга (IFSH), Центр исследований ОБСЕ (CORE)

Стефан Вольф и
Штефани Лихтенштайн
Возможности
сотрудничества ОБСЕ
с Китаем: зачем и как?

DOI: 10.5771/9783748911463-02

Nomos

Возможности сотрудничества ОБСЕ с Китаем: зачем и как?

Стефан Вольф и Штефани Лихтенштайн*

Аннотация

Каковы последствия растущего присутствия Китая для ОБСЕ? Это насущный вопрос для организации и ее государств-участников, учитывая важность отношений с Китаем и их всё более острый характер. Отвечая на этот вопрос, мы анализируем влияние китайской инициативы «пояса и пути» на три субрегиона ОБСЕ: Центральную Азию, Южный Кавказ и Восточную Европу и Западные Балканы. Наш анализ основан на широком круге источников, включая материалы, подготовленные по нашему заказу местными и региональными экспертами, доклады правительств и аналитических центров, а также обзор обширной вторичной литературы по данной теме. Мы пришли к выводу, что несмотря на то, что влияние китайской инициативы варьируется в зависимости от региона, ее реализация может иметь существенные геополитические и геоэкономические последствия, которые ОБСЕ не может игнорировать. На основе проведенного анализа мы предлагаем рекомендации по сотрудничеству ОБСЕ с Китаем и инициативой «пояса и пути».

Ключевые слова

Китай, инициатива «пояса и пути» (ИПП), ОБСЕ, взаимосвязанность, геополитика.

Для цитирования этой публикации: Вольф С., Лихтенштайн Ш. Возможности сотрудничества ОБСЕ с Китаем: зачем и как? // ОБСЕ Insights 2/2021 – Баден-Баден: Номос, 2022.

URL: <https://doi.org/10.5771/9783748911463-02>

Введение

За время, прошедшее с момента ее выдвижения в конце 2013 г., стратегия Китая по соединению Азии, Европы и Африки вдоль исторических маршрутов «Шелкового Пути» – инициатива «пояс и путь» (ИПП или «Инициатива») превратилась в масштабный проект глобального развития с возрастающими геополитическими и геоэкономическими последствиями. Выдвигая ИПП в своем выступлении в Казахстане в Университете имени Назарбаева, президент Китая Си Цзиньпин предложил партнерам совместно с Китаем выстроить «Экономический пояс Шелкового Пути», «чтобы сделать экономические связи государств Евразии более тесными, их взаим-

* Стефан Вольф, профессор кафедры политических наук и международных исследований, Университет Бирмингем, S.Wolff@bham.ac.uk.
Штефани Лихтенштайн, независимый журналист и дипломатический корреспондент, Вена, Австрия, office@stephanieliechtenstein.com.

ное сотрудничество более глубоким, а пространство развития – более широким»¹. Восемнадцать месяцев спустя, в марте 2015 г. Национальная комиссия по развитию и реформам КНР представила развернутый вариант предложенной в выступлении Си инициативы и уточнила, что цели ИПП заключаются в «укреплении взаимосвязанности азиатского, европейского и африканского континентов и прилегающих к ним морей, установлении и укреплении партнерских отношений между странами, расположенными вдоль «пояса и пути», создании всесторонней, многоуровневой и комплексной инфраструктурной взаимосвязанности и обеспечении диверсифицированного, независимого, сбалансированного и устойчивого развития этих стран»².

Хотя некоторые из этих идей и целей были не совсем новыми, настоящим новшеством стало их систематическое объединение в один проект и стратегию. Важность Инициативы была подчеркнута в 2017 году, когда она была внесена в Конституцию Китайской Народной Республики, что сделало её неотъемлемой частью китайского государства и его политики³.

Сегодня ИПП не только считается центральным звеном внешней и экономической политики Китая, но и превратилась в комплексный стратегический инструмент китайского руководства, отражающий геополитические и геоэкономические устремления все более уверенной в себе и напористой мировой державы. К 2021 году в сотрудничестве в рамках ИПП принимали участие 140 государств и 30 международных организаций, а проекты реализовывались более чем в 70 странах. Более половины из пятидесяти семи государств—участников ОБСЕ подписали с Китаем меморандумы о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках ИПП⁴.

То, что начиналось как «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века», теперь также включает, в частности, «Полярный Шелковый путь», «Цифровой Шелковый путь» и «Шелковый путь здоровья»⁵. Повышение уровня амбициозности ИПП сказалось на оценках масштабов ее финансирования, которое, согласно произведенным в 2016 году расчетам Приасвотерхаус Куперс, в предстоящие десять лет может составить «до 1 триллиона долларов США за счет государственного финансирования со стороны Китая»⁶. К концу 2020 года в трех субрегионах ОБСЕ были заключены инвестиционные и строительные контракты на общую сумму почти в 94 млрд долларов США: на 55 млрд долларов в Центральной Азии, на 21 млрд. на Южном Кавказе и в Восточной Европе и на 18 млрд – на Западных Балканах⁷.

ОБСЕ и ее государства-участники не могут больше позволить себе игнорировать значение и растущее присутствие Китая в регионе ОБСЕ и в соседних регионах. ИПП влияет на динамику геополитических и геоэкономических процессов, которые, в свою очередь, влияют на ОБСЕ как международный институт, отношения между ее государствами-участниками и на их отношения с Китаем. Это особенно очевидно в трех вышеупомянутых субрегионах, в которых Россия и Запад традиционно соперничали за влияние, в том числе в рамках проектов политической и экономической интеграции Европейского союза (ЕС) и Евразийского Экономиче-

ского Союза (ЕАЭС). Хотя инициатива ИПП (пока) не предлагает аналогичные институциональные проекты интеграции, она представляет собой потенциальную долгосрочную – дополняющую, всеобъемлющую или конкурирующую – альтернативу ЕС и ЕАЭС. Это усугубляет проблемы, с которыми ОБСЕ уже сталкивается, в частности, в том, что касается её способности выполнять свой всеобъемлющий мандат в области безопасности в условиях, когда отношения между Россией и Западом деградировали до самого низкого уровня со времени окончания «холодной войны».

Соответственно, анализ осуществляемых Китаем в трех субрегионах проектов важен для оценки того, как ИПП на данном этапе повлияла на ОБСЕ. Он также позволяет рассмотреть возможные сценарии дальнейшего развития и предложить политические рекомендации относительно возможностей взаимодействия ОБСЕ с Китаем и с ИПП. Такое взаимодействие должно быть принципиальным, прагматичным и стратегическим, с тем чтобы сохранить приверженность государств-участников «концепции всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве, равной и неделимой безопасности»⁸.

Наше рассмотрение влияния ИПП на ОБСЕ основывается на фактических данных и результатах анализа, представленных в опубликованном Сетью аналитических центров и академических институтов ОБСЕ комплексном докладе⁹, который опирается на восемнадцать подготовленных в рамках проекта национальными и региональными экспертами справочных материалов, научную литературу и политические документы по ИПП, а также на исходные первичные данные, почерпнутые, в частности, из источников Китая, России, ОБСЕ, ЕС, ООН и Всемирного банка. Поскольку работа над докладом была завершена в конце 2020 года, наш анализ был дополнен обобщением последних событий, результатов продолжающихся исследований и взаимодействием с экспертами.

Статья структурирована следующим образом. Сначала мы представляем результаты анализа присутствия и деятельности Китая в субрегионах Центральной Азии, Южного Кавказа и Восточной Европы, а также Западных Балкан. Затем мы обобщаем эти результаты в виде кратких выводов, которые, в свою очередь, составляют основу для наших политических рекомендаций.

Центральная Азия

Центральной Азии отводится ключевая роль в ИПП. С экономической точки зрения данный регион имеет критическое значение для автомобильного и железнодорожного транзитного сообщения между Китаем и европейскими рынками. Эти коммуникации представляют собой стратегически важную альтернативу существующим морским маршрутам. Китай также рассматривает экономическое развитие и стабильность в Центральной Азии как средство достижения важной политической цели – повышения уровня безопасности в соседней провинции Синьцзян, что, в свою

очередь, должно способствовать минимизации негативных последствий развития событий в Афганистане¹⁰. Значение Центральной Азии отражается в уровне инвестиций Китая, которые не ограничиваются развитием транспортной инфраструктуры, а включают энергетический сектор, сырьевые отрасли и производство сельскохозяйственной продукции для нужд внутреннего потребления.

В регионе Центральной Азии ключевым партнером Китая является Казахстан. На его долю приходится почти две трети китайских средств, вложенных в регион с 2005 года. В Казахстане хорошо развита инфраструктура, страна политически относительно стабильна и имеет национальный план развития, который тесно увязан с ИПП, что делает ее привлекательной для китайских инвестиций. Китай вложил значительные средства в добычу нефти в Казахстане – китайские компании контролируют примерно 25% этой отрасли. На Казахстан приходится примерно 75% китайского импорта урана¹¹.

С геополитической и стратегической точек зрения, развитие Центральной Азии важно для Китая, поскольку влияние ЕС и США здесь относительно невелико, что позволяет Китаю включить Центральную Азию в сферу своего влияния. В то время как Россия в настоящее время является основным гарантом безопасности в регионе, Китай становится здесь доминирующим экономическим игроком. До настоящего времени Москва и Пекин придерживались такого негласного разделения труда, и обе стороны высоко оценивали сотрудничество между ними¹². Одним из проявлений такого сотрудничества является торгово-экономическое соглашение между Китаем и ЕАЭС, участниками которого являются Казахстан и Кыргызстан, а также Армения, Беларусь и Россия. Хотя соглашение вступило в силу только в 2019 г., оно свидетельствует о потенциальных возможностях для углубления связей в будущем, особенно на фоне ужесточения позиции Запада в отношении как России, так и Китая.

Южный Кавказ и Восточная Европа

Географически отдаленные и не имеющие общей границы с Китаем государства – участники ОБСЕ на Южном Кавказе (Армения, Азербайджан и Грузия) и в Восточной Европе (Беларусь, Молдова и Украина) имеют ряд общих характеристик, отличающих их от Центральной Азии и Западных Балкан.

Несмотря на индивидуальные отличия, эти страны в целом более развиты чем государства Центральной Азии. Однако в последнее десятилетие они отличались намного большей политической нестабильностью, чем страны Центральной Азии или Западных Балкан. Это очевидно на фоне продолжающегося конфликта в Украине, войны 2020 года между Арменией и Азербайджаном, оспариваемых результатов президентских выборов в Беларуси, которые сопровождались жестоким подавлением протестов. Помимо этого три страны (Грузия, Молдова и Украина) уже более

десяти лет находятся в эпицентре политического и экономического соперничества между Россией и Западом¹³.

На фоне геополитической напряженности между Западом и Россией китайское присутствие в этом регионе было скромным по сравнению с Центральной Азией. Другие проблемы в регионе связаны с коррупцией и низким уровнем эффективности государственного управления. Основные мотивы деятельности Китая здесь во многом схожи с мотивами, которыми он руководствуется в двух других регионах: транзит и доступ к ресурсам.

В рамках концепции «Нового евразийского сухопутного моста» реализация ИПП способствовала осуществлению ряда крупных проектов в *Беларуси*, которая является для Китая неотъемлемой частью транзитного коридора на рынки ЕС через Казахстан, Россию и Беларусь. Китай также инвестировал средства в промышленные проекты (например, в белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень»). На сегодняшний день китайские банки предоставили белорусским компаниям кредиты на сумму 4,5 миллиардов долларов¹⁴.

С точки зрения фактических инвестиций сотрудничество Китая с *Украиной* значительно превосходит его сотрудничество с Беларусью. Так было и до, и после выдвижения ИПП. При этом потенциал для осуществления китайских проектов в Украине не был использован в полной мере из-за продолжающегося в стране конфликта и связанной с ним социальной, политической и экономической нестабильностью¹⁵.

Почти 70% всех китайских инвестиций в Украине приходятся на период до официального выдвижения ИПП в 2013 году¹⁶. Они были сосредоточены в энергетическом секторе (солнечная энергия) и сельском хозяйстве (например, недавно построенный зерновой терминал в Николаеве, обеспечивающий украинский экспорт в Китай). Попытки Китая закрепиться в военно-промышленном комплексе Украины столкнулись с существенным противодействием со стороны Киева, как это было в случае с «Мотор Сич», производителем двигателей для военных самолетов.

Молдова же практически не интегрирована в ИПП, учитывая периферийное положение страны по отношению к основным экономическим коридорам, низкий уровень экономического развития, небольшой внутренний рынок и преимущественно аграрную экономику¹⁷.

Южный Кавказ не может предложить Китаю широкие возможности для обеспечения транспортной взаимосвязанности из-за отсутствия глубоководного порта в *Грузии*, несмотря на несколько предпринятых Китаем попыток построить для этой цели объекты в Анаклии¹⁸. В то же время Китай и *Азербайджан* подписали меморандум о взаимопонимании и другие двусторонние соглашения, результатом которых стал рост двусторонней торговли и пакет экономических договоренностей, оцениваемый в 821 млн долларов и ориентированный на китайские инвестиции в нефтяной сектор Азербайджана¹⁹.

В *Армении* инвестиции были незначительными, но ситуация может измениться после заключения соглашения между Китаем и Арменией о создании «Умного города» стоимостью в 10-15 миллиардов долларов в течение следующих пятнадцати лет²⁰.

Западные Балканы

Субрегион Западных Балкан включает Албанию, Боснию и Герцеговину, Косово, Северную Македонию, Сербию, Словению, Хорватию и Черногорию. Этот субрегион достиг значительно более высокого уровня развития, чем страны Центральной Азии, Южного Кавказа и Восточной Европы. В течение последней четверти века здесь в основном преобладало влияние Запада, которому Китай сейчас бросает вызов.

Главным мотивом включения Западных Балкан в ИПП является доступ к европейским рынкам. Поэтому развитие инфраструктуры на Западных Балканах считается стратегически важным для улучшения взаимосвязанности с ЕС.

Основные риски связаны здесь с неурегулированными последствиями сопровождавшегося вооруженными конфликтами распада бывшей Югославии, включая сохраняющуюся межэтническую напряженность и тлеющие пограничные споры. Для региона также характерны проблемы в области государственного управления, такие как коррупция и слабое верховенство закона.

На данный момент Сербия получила самую большую долю (60 процентов) китайских инвестиций в регионе. В то время как широкий спектр проектов был реализован в энергетическом секторе и в развитии местного транспорта, флагманским проектом ИПП в Сербии является строительство железной дороги Белград—Будапешт, связывающей столицы Сербии и Венгрии. Железная дорога является важным узлом на Балканском Шелковом пути от греческого порта Пирей до ЕС. Частичное строительство автомагистрали Белград—Южная Адриатика имеет такое же стратегическое значение.

В последние годы Белград и Пекин усилили сотрудничество по линии полиции. Наряды, состоящие из сербских и китайских полицейских, патрулируют в столице Сербии и других городах. Сербия – единственная страна в регионе, которой Китай продал военную технику и где проводились совместные военные и контртеррористические учения²¹.

Большинство других ключевых китайских проектов на Западных Балканах связаны с транспортной инфраструктурой, что подчеркивает значение региона как критически важного узла транспортного сообщения между Китаем и ЕС. К ним относятся автострада Арбер в Албании (соединяющая столицу Тирану с границей Северной Македонии), являющаяся частью транспортного коридора, призванного соединить побережье Ионического моря с болгарским побережьем Черного моря;

Пелешацкий мост в Хорватии (строительство осуществляется Китайской корпорацией по строительству дорог и мостов, при софинансировании ЕС); автомагистраль Бар—Боляре в Черногории (соединяет город-порт Бар на побережье Адриатического моря с Сербией, финансируется за счет кредита Эксимбанка в размере 800 млн евро, что усугубляет и без того серьезную долговую проблему Черногории); автомагистрали Кичево—Охрид и Миладиновци—Штип в Северной Македонии (проходят вдоль транспортного коридора, соединяющего греческий порт Пирей со столицей Венгрии Будапешт), а также интеграция порта Копер в Словении в ИПП на основе соглашения с Нинбо Чжоушань Порт Груп с целью расширения судоходного сообщения и торговли.

Если китайские инвестиции и строительные контракты, заключенные в Хорватии и Словении, свидетельствуют о готовности и способности Китая соблюдать правила ЕС, его основные вложения в Боснии и Герцеговине – в лигнитную электростанцию «Тузла-7» и электростанцию Станари, составившие в совокупности 1,3 миллиарда долларов, – идут вразрез с обязательством страны соблюдать правила ЕС в отношении государственной помощи и защиты окружающей среды.

Выводы

Растущее присутствие Китая в трех рассмотренных выше субрегионах свидетельствует о масштабах геополитических и геоэкономических последствий ИПП для ОБСЕ и ее государств-участников. Чтобы в полной мере оценить их значение и сформулировать соответствующие рекомендации, важно рассмотреть их в более широком контексте современных процессов в регионе ОБСЕ.

Отношения между Западом и Россией с одной стороны, и Западом и Китаем – с другой, продолжают ухудшаться. В то же время все государства—участники ОБСЕ и Китай разделяют общую заинтересованность в безопасности и стабильности на евроатлантическом и евразийском пространстве. Это представляет собой наиболее перспективную возможность для налаживания сотрудничества ОБСЕ и Китая. Однако в рамках такого сотрудничества влияние организации, в состав которой входят пятьдесят семь расположенных на евроатлантическом и евразийском пространстве государств-участников, в значительной степени будет зависеть от способности ОБСЕ подтвердить и возродить дух организации по обеспечению всеобъемлющей безопасности на основе сотрудничества.

На первый взгляд, Китай представляет собой привлекательную модель стабильного государственного управления и успешного внутреннего экономического развития и демонстрирует готовность и способность вносить вклад в глобальное управление и формировать его²². Возрастающее участие в предоставлении общественных благ повысило заинтересованность Китая в процессах формирования и обеспечения правил глобального управления. В силу преимущественной опоры на двусторон-

ние соглашения в отличие от ЕС или ЕАЭС ИПП (пока) не является типичным интеграционным проектом с собственной системой регулирования, основанной на определенных правилах (как это имеет место в ЕС или ЕАЭС). Однако в будущем данная политика может измениться, и ИПП сможет конкурировать, а в перспективе и заменить существующие структуры международного управления.

На протяжении некоторого времени Китай отстаивал комплексное понимание безопасности. В своем выступлении на четвертом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Шанхае в 2014 году председатель КНР Си высказался за «общий, всеобъемлющий, основанный на сотрудничестве и устойчивый» подход к безопасности. Для Си всеобъемлющая безопасность означает «поддержание безопасности в традиционных и в нетрадиционных областях», включающих «этнические и религиозные проблемы [...], терроризм, трансграничную преступность, экологическую безопасность, кибербезопасность, энергетическую и ресурсную безопасность и крупные стихийные бедствия»²³. Такое понимание безопасности было прочно интегрировано в ИПП. В своем отчете о реализации Инициативы в 2019 году Бюро группы управления по продвижению инициативы «пояс и путь» почти дословно воспроизвело формулу Си 2014 года, отметив, что «все страны должны содействовать цели общей, всеобъемлющей, основанной на сотрудничестве и устойчивой безопасности»²⁴.

Существующие в ОБСЕ разногласия чреваты дальнейшим нарастанием дисфункциональности и неспособности реализовать ключевые положения ее всеобъемлющего мандата в области безопасности. Если это произойдет, государства—участники ОБСЕ, которые уже тесно сотрудничают с Китаем (например, страны Центральной Азии), или те, которые повернулись в сторону Китая по геополитическим и геоэкономическим причинам (например, Россия), могут счесть возглавляемые Китаем институты, такие как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), более надежной платформой для многостороннего сотрудничества по реализации ИПП. ШОС уже в точности повторяет некоторые части мандата ОБСЕ (хотя ей критически не хватает человеческого измерения) и дополняет ИПП, в частности, тем, что представляет собой многосторонний механизм для реагирования на риски в области безопасности. Как отметил в мае 2017 года Генеральный секретарь ШОС Рашид Алимов, с заключением соглашения о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок ШОС оформила «правовую базу паритетных условий для автоперевозчиков» и заложила «единообразную основу осуществления международных автомобильных перевозок от Восточной Европы до восточных побережий России и Китая»²⁵. Это ещё больше укрепило взаимодополняемость ШОС и ИПП. Такая взаимодополняемость в течение некоторого времени подчеркивалась китайскими, российскими и центральноазиатскими аналитиками, что может свидетельствовать о постепенном отказе России от оппозиции в пользу принятия действительно более широкого мандата ШОС²⁶.

По мере того как крупные державы продолжают преследовать свои интересы по расширению и сохранению соответствующих сфер влияния, а эти интересы всё больше определяют внешнюю политику в регионе ОБСЕ и по отношению к нему, потенциальная роль организации как форума для обсуждения этих разнонаправленных устремлений возрастает. Китай должен быть вовлечен в эти обсуждения, хотя это не обязательно предполагает необходимость его вступления в саму ОБСЕ. Удастся ли это сделать зависит от способности и желания государств-участников разработать и реализовать последовательную стратегию, которая будет лежать в основе такого подхода. Это, в свою очередь, зависит от реалистичной и основанной на фактах оценки современного присутствия Китая в регионе ОБСЕ и от понимания будущих сценариев развития.

Рекомендации

Хотя Китай делает акцент на экономическую составляющую ИПП и ее взаимовыгодный характер, такой грандиозный и амбициозный проект не может не иметь геополитических и геоэкономических последствий. Хотя пока неясно, какими будут эти последствия, когда и как они реализуются, будут ли они неизбежными или станут побочным следствием не артикулируемой Китаем долгосрочной стратегии, Китай и его ИПП представляют собой вызов, требующий ответа со стороны ОБСЕ.

Чтобы ответить на данный вызов, нужна реалистичная оценка перспектив конструктивного взаимодействия между ОБСЕ и Китаем. Для этого необходимо с самого начала обозначить три потенциальные проблемы. Во-первых, неясно, выиграют ли государства-участники от взаимодействия ОБСЕ с Китаем, поскольку это может ограничить выгоды, которые они получают от прямого двустороннего взаимодействия или от сотрудничества в таких форматах, как ЕС, ЕАЭС и ШОС. Во-вторых, взаимодействие с Китаем может оказаться несоразмерным вызовом для ОБСЕ. Учитывая и без того непростые отношения между государствами-участниками, это может ещё больше подрвать способность ОБСЕ выполнять ее мандат и поддерживать сформировавшийся нормативный консенсус. В-третьих, не ясно, захочет ли Китай сотрудничать с ОБСЕ и на каких условиях.

Эти проблемы не преуменьшают необходимость взаимодействия и не делают его невозможным. Скорее они задают параметры, в рамках которых может быть разработана и реализована стратегия взаимодействия. На основе приведенного выше анализа и более полного доклада Сети, на котором он основан, мы предлагаем следующие идеи для рассмотрения политиками ОБСЕ и её государствами-участниками.

- Достижение минимального консенсуса по взаимодействию с Китаем
Исполнительным структурам и институтам ОБСЕ, включая действующего Председателя и «тройку» председателей, следует начать с определения будущих сценариев развития отношений с Китаем. Использование сценарного планирования в качестве инструмента для достижения консенсуса и выработки политики может быть полезным для привлечения внимания государств-участников к последствиям присутствия и деятельности Китая. Оно способствовало бы формированию у них лучшего понимания соответствующих вызовов и возможностей и определению их позиции, не настаивая на примирении диаметрально противоположных взглядов на Китай. Таким образом, это могло бы стать основой для формирования минимального консенсуса в ОБСЕ по вопросу о возможности прагматического взаимодействия с Китаем.
- Применение принципиального, прагматического и стратегического подхода
Прагматический подход к Китаю позволяет проводить политику многоканального взаимодействия, которая создает и использует возможности для диалога в областях, которые приоритетны для ОБСЕ, и в то же время открыта для обсуждения вопросов, которые может поставить Китай. Такой подход допускает возможность ситуативного и неформального сотрудничества.
В то же время прагматизм должен опираться на принципы ОБСЕ и руководствоваться стратегической перспективой, предполагающей установление на каком-то этапе официальных отношений с Китаем. В качестве первого шага речь могла бы идти о предоставлении Китаю статуса наблюдателя в ОБСЕ, а впоследствии – об установлении партнерских отношений, учитывающих масштабы и значение Китая. Саммит ОБСЕ в 2025 году мог бы стать подходящим форумом для формализации таких отношений.
- Поиск форматов для многостороннего взаимодействия
ОБСЕ следует рассмотреть взаимодействие с Китаем по линии ШОС по вопросам, представляющим взаимный интерес, включая борьбу с организованной преступностью (особенно наркотрафиком), защиту критически важной национальной и трансграничной инфраструктуры и стабилизацию положения в Афганистане. Речь могла бы идти о взаимодействии и по линии других международных организаций, например, СВМДА.
- Совместное управление воздействием на окружающую среду
Опираясь на существующие международные соглашения (такие как Орхусская конвенция 1998 года), ОБСЕ следует рассмотреть вопрос об инициировании официального диалога с Китаем по вопросам управления экологическими последствиями реализации ИПП для участвующих в ее реализации государств. В

этом случае ОБСЕ могла бы предоставить площадку для обсуждения общих правил и принципов экологического управления.

- Разработка повестки дня взаимосвязанности 2.0

ОБСЕ следует рассмотреть вопрос о разработке новой программы транспортной взаимосвязанности, которая будет гарантировать, что в чем-то совпадающие (но не идентичные) подходы ОБСЕ, Китая, ЕС и ЕАЭС к решению задач взаимосвязанности могут стать и оставаться совместимыми и взаимодополняющими, несмотря на их различные нормативные основы. Это могло бы способствовать устойчивому и инклюзивному восстановлению после пандемии с упором на повышение устойчивости экономики, общества и институтов²⁷.

Достижение данной цели возможно только на основе коллективных усилий всех заинтересованных международных акторов. Используя свои возможности по организации встреч и формированию повестки дня ОБСЕ может предоставить площадку для обсуждения новых рациональных подходов к обеспечению непрерывного и свободного передвижения товаров, капитала, людей и идей, противодействию протекционистским тенденциям, и поддержанию эффективного и справедливого национального государственного управления и международного регулирования.

- Привлечение Китая к сотрудничеству по вопросам прав человека

В настоящее время существует мало возможностей для взаимодействия с Китаем по вопросам прав человека. Недавние действия Китая говорят сами за себя: первоначальное сокрытие вспышки коронавируса, подавление протестов в Гонконге и изменение его избирательной системы, попытки заставить замолчать защитников прав человека и аресты уйгуров и других мусульман тюркского происхождения в Синьцзяне.

Тем не менее, Китай отдает себе отчет в том, что хрупкие институты и слабое верховенство закона создают проблемы для реализации ИПП. Китай также понимает, что социальное и экономическое неравенство увеличивает недовольство и приводит к конфликтам и нестабильности. До сих пор ответом Китая на эти вызовы было экономическое развитие без какой-либо сопутствующей политической либерализации. Маловероятно, что его внутренняя политика изменится, и это не должно быть частью повестки дня ОБСЕ.

Общая заинтересованность в стабильности и безопасности создает возможности для налаживания сотрудничества с Китаем в рамках всеобъемлющего подхода, неотъемлемой частью которого является уважение прав человека и меньшинств. В контексте принципиального, прагматичного и стратегического подхода к взаимодействию с Китаем это имеет два последствия. Во-первых, человеческое измерение ОБСЕ не должно быть исключено из отношений между ОБСЕ и Китаем.

Во-вторых, взаимодействие с Китаем не должно привести к ослаблению человеческого измерения в рамках всеобъемлющего подхода ОБСЕ к безопасности.

Примечания

- 1 President Xi Jinping delivers important speech and proposes to build a Silk Road Economic Belt with Central Asian countries // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 7 September 2013. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzh_665686/t1076334.shtml.
- 2 National Development and Reform Commission, Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road // Strategic Studies. - Vol. 4 (2014). - No. 1. - P. 207.
- 3 Constitution of the Communist Party of China, Beijing, 24 October 2017. - P. 8.
- 4 Nedopil C. Countries of the Belt and Road Initiative // Green Belt and Road Initiative Center, 2021. URL: <https://green-bri.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/>.
- 5 Официальной китайской карты ИПП больше не существует. Возможно, наиболее полная и точная картина представлена Институтом Меркатора по изучению Китая: Mapping the Belt and Road Initiative: This is where we stand // Mercator Institute for China Studies, 7 June 2018. URL: <https://merics.org/en/analysis/mapping-belt-and-road-initiative-where-we-stand>.
- 6 Van der Leer Y., Yau J. China's new Silk Route: The long and winding road // PwC, February 2016. - P. 4. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/growth-markets-center/assets/pdf/china-new-silk-route.pdf>. Согласно анализу глобальных инвестиций и строительных контрактов Китая, проведенному Дерекком Сиссором (Американский институт предпринимательства), совокупные финансовые обязательства Китая в период с 2005 г. составили более 2 трлн. долл. США. См.: Scissors D. China global investment tracker // American Enterprise Institute and Heritage Foundation, 2020. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>.
- 7 Scissors D. Op. cit.
- 8 Астанинская юбилейная декларация: на пути к сообществу безопасности // Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/8/74990.pdf>.
- 9 Wolff S. China's Belt and Road Initiative: Implications for the OSCE // OSCE Network of Think Tanks and Academic Institutions, March 2021. URL: https://osce-network.net/fileadmin/user_upload/publications/China-BRI-Report-2021-fin.pdf.
- 10 Bitabarova A.G. Unpacking Sino-Central Asian Engagement along the New Silk Road: A Case Study of Kazakhstan // Journal of Contemporary East Asia Studies. - 2018. - No. 2. - P. 149-173; Pantucci R. China in Central Asia: The First Strand of the Silk Road Economic Belt // Asian Affairs. - 2019. - No. 2. - P. 202-215; Silin Y. et al. The Silk Road Economic Belt: Balance of Interests // Economic and Political Studies. - 2018. - No. 3. - P. 293-318.
- 11 Silin et al. Op. cit. - P. 306.
- 12 Gabuev A. Crouching Bear, Hidden Dragon: "One Belt One Road" and Chinese-Russian Jostling for Power in Central Asia // Journal of Contemporary East Asia Studies. - 2016. - No. 2. - P. 61-78; Baogang He. The Domestic Politics of the Belt and Road Initiative and Its Implications // Journal of Contemporary China. - 2019. - No. 116/ - P. 180-95.
- 13 Malyarenko T., Wolff S. The Logic of Competitive Influence-Seeking: Russia, Ukraine, and the Conflict in Donbas // Post-Soviet Affairs. - 2018. No. 4. - P. 191-212.
- 14 Malyarenko M. China's Belt and Road Initiative in the Contested Eastern Neighbourhood, неопубликованная статья.

- 15 Там же.
- 16 Scissors D. Op. cit.
- 17 Malyarenko M. Op. cit.
- 18 Menabde G. Georgia's Anaklia deep-water port faces a new challenge // Eurasia Daily Monitor, 18 June 2019. URL: <https://jamestown.org/program/georgias-anaklia-deep-water-port-faces-a-new-challenge/>; Daly J.C.K. Russia's discreet satisfaction over Georgia's Anaklia port debacle // Eurasia Daily Monitor, 16 March 2020. URL: <https://jamestown.org/program/russias-discreet-satisfaction-over-georgias-anaklia-port-debacle/>.
- 19 Baghirov O. Azerbaijan and China sign \$800 million economic package // Eurasia Daily Monitor, 29 May 2019. URL: <https://jamestown.org/program/azerbaijan-and-china-sign-800-million-economic-package-the-geo-economic-implications/>
- 20 Kemoklidze N. Armenia, Azerbaijan and China's BRI, неопубликованная статья.
- 21 Webber M. China and the Western Balkans: Opportunities and Challenges for NATO, неопубликованная статья.
- 22 В настоящее время Китай является вторым по величине финансовым донором операций ООН по поддержанию мира, уступая только США и имея долю в бюджете, превышающую совокупный вклад России, Франции и Великобритании. См.: UN General Assembly, Implementation of General Assembly Resolutions 55/235 and 55/236, Report of the Secretary-General, Addendum, A/73/350/Add.1, 24 December 2018. URL: <https://undocs.org/A/73/350/Add.1>. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, возглавляемый Китаем, на сегодняшний день привлек восемьдесят два региональных и нерегиональных участника и имеет чистые обязательства по инвестициям в размере более 8 млрд долл. США. См.: 2019 AIIB Annual Report and Financials // Asian Infrastructure Investment Bank. URL: https://www.aiib.org/en/news-events/annual-report/2019/_common/pdf/2019-aiib-annual-report-and-financials.pdf.
- 23 Xi Jinping. Remarks at the fourth summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia // China.org.cn, 21 May 2014. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-05/28/content_32511846.htm.
- 24 Office of the Leading Group for Promoting the Belt and Road Initiative. The Belt and Road Initiative: Progress, Contributions and Prospects, Beijing: Foreign Languages Press, 2019. - P. 50. URL: https://en.ndrc.gov.cn/newsrelease_8232/202002/P020200228350122318527.pdf.
- 25 Выступление Генерального секретаря ШОС Р. Алимова на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности. Вена, 10 мая 2017 года. – С. 5 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/316951.pdf>.
- 26 Pan Dawei. SCO and strategic partnership between China and Russia // Valdai Club, 14 June 2018. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/sco-and-strategic-partnership/?sphrase_id=902214; Khasanov U. The SCO and the transformation of modern political processes // Valdai Club, 7 November 2019. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/sco-and-transformation-modern-political-processes/?sphrase_id=902214; Suslov D. Non-Western multilateralism: BRICS and the SCO in the post-COVID world // Valdai Club, 29 July 2020. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/non-western-multilateralism-brics-and-the-sco/?sphrase_id=1223135.
- 27 Под новой повесткой дня в области взаимосвязанности мы имеем в виду усовершенствованный вариант современной повестки дня ОБСЕ по взаимосвязанности. См.: Wolff S. China: A Challenge or an Opportunity for the OSCE? // Security and Human Rights Monitor, 22 April 2021. URL: <https://www.shrmonitor.org/china-a-challenge-or-an-opportunity-for-the-osce/>.